

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края. — Ф. 14. — Оп. 35. — Д. 2.
2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). — Ф. 273. — Оп. 21. — Д. 23.
3. ГАНИИО. — Ф. 127. — Оп. 73. — Д. 40.
4. Государственный архив республики Бурятия. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 6.
5. Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. — М. : Статистика, 1971. — 711 с.
6. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. — Ф. 26.

Информация об авторе

Левченко Владимир Михайлович — кандидат исторических наук, профессор, кафедра истории экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Natalu.69@mail.ru.

Author

Levchenko Vladimir Mihailovich — PhD in Historical Sciences, Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: Natalu.69@mail.ru.

УДК 94(571.54)
ББК 65.9(2)(2Р54)

А.М. ПЛЕХАНОВА

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В 1920-е ГОДЫ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ***

В статье проанализирован опыт экономической модернизации Бурят-Монгольской АССР в 1920-е годы; выявлены факторы, способствующие и препятствующие модернизации региональной экономики в условиях новой экономической политики.

Ключевые слова: экономическая модернизация, Бурят-Монгольская АССР, новая экономическая политика.

А.М. PLEKHANOVA

**ECONOMIC MODERNIZATION IN THE 1920s:
REGIONAL DIMENSION**

The article analyzes the experience of economic modernization Buryat-Mongolian ASSR 1920s. Identified factors that promote and prevent the modernization of the regional economy under the new economic policy.

Keywords: economic modernization, Buryat-Mongolian ASSR, new economic policy.

* Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33.2.2, проект «Экономическая модернизация Западного Забайкалья (1880-е — 1930-е гг.)».

Согласно модернизационной теории общества в своем развитии проходят как минимум три стадии эволюции — аграрную, индустриальную и постиндустриальную или информационную. Переход от аграрной стадии к индустриальной, именуемый обычно модернизацией, начался в России после отмены крепостного права и имел по сравнению с западноевропейскими государствами догоняющий характер, определившийся еще в аграрную эпоху, когда в стране затянулся период ее земледельческого освоения вследствие перманентного расширения границ и гигантской географической протяженности государства [13].

Модернизационные процессы в каждом регионе России имели свои особенности, хотя в основном определялись общероссийскими факторами. Сибирь, как и Россия в целом, переживала период перехода от аграрного общества к индустриальному. Однако и на рубеже XIX–XX вв. Сибирь оставалась аграрной колонизируемой окраиной, в которой темпы аграрной колонизации далеко опережали темпы промышленного освоения, т.е. в Сибири модернизация имела еще более догоняющий характер.

Модернизационные преобразования в Бурятии, территория которой до революции не была выделена в самостоятельную административную единицу, а входила в состав Забайкальской области (Западное Забайкалье) и Иркутской губернии (Предбайкалье), были инициированы царским правительством в конце XIX — начале XX вв. Модернизация этого региона имела догоняющий характер даже по отношению к Сибири.

Толчком модернизационных процессов на территории Бурятии послужило проведение Транссибирской железной дороги. Ее сооружение было обусловлено экспансионистской политикой России на Дальнем Востоке и возрастанием в связи с этим стратегического значения Забайкалья, являющегося связующим звеном между Монголией, Северо-Восточным Китаем, Дальним Востоком и Центральной Россией. Однако строительство магистрали, призванной стать импульсом модернизации, привело лишь к частичной трансформации внутрирегионального экономического пространства, одновременно закрепив процесс развития региональной экономики не столько за счет местной промышленности, сколько в результате экономических связей с промышленностью Европейской России. Наиболее рельефно модернизационные процессы с проведением железнодорожной магистрали протекали лишь в отраслях, обслуживающих саму дорогу и ведущееся вокруг нее строительство — угледобывающей, цементной, лесопильной [14, с. 78].

Дальнейшие опыты самодержавного государства по модернизации региональной экономики были прерваны революционными событиями 1917 г. и лишь после завершения гражданской войны и иностранной интервенции модернизационные процессы были возобновлены в условиях новой экономической политики уже новой — советской — властью на иной идеологической основе, но с прежней целью: превращение Буря-

тии в экономически развитый регион для повышения политического престижа страны на востоке.

Фактором, подтолкнувшим модернизацию региона, стало совпадение региональных интересов и общегосударственных задач. Руководство страны, иницируя подъем экономики модернизацию Западного Забайкалья, преследовало несколько целей:

Во-первых, политическую. Предоставив национальную автономию коренному этносу Западного Забайкалья — бурятам, обеспечив экономическую целостность Бурят-Монгольской республики, правящий режим, субсидируя экономику региона, рассчитывал на политическую лояльность руководства молодой советской республики и его всемерную поддержку в осуществлении социалистических преобразований.

Во-вторых, идеологическую. Подъем экономики национальных окраин должен был демонстрировать угнетенным в царской России иностранцам преимущества нового — социалистического — строя.

В-третьих, военно-стратегическую цель. В связи с высокой вероятностью военных конфликтов в условиях конфронтации с мировыми державами требовалось обеспечить защиту восточных границ.

В-четвертых, геополитическую. Республика, являясь «воротами» во Внутреннюю Азию, должна была демонстрировать народам Востока успехи строительства социализма и тем самым не только втягивать их в орбиту советского экономического и политического влияния, но и служить «плацдармом мировой революции на Буддийском Востоке». Советская внешнеполитическая доктрина, обусловленная в 1920-е гг. идеей мировой революции, заключалась в экспорте революции в страны Внутренней Азии и дальнейшем присоединении их к будущей «Всемирной республике Советов». Бурят-Монгольской АССР в этой политике отводилась особая роль, поскольку республика должна была выступить ярким примером советского варианта Востока, своеобразной витриной российской политики в отношении восточных этносов и цивилизаций.

В-пятых, экономическую. Надо отдать должное руководству Советской державы, придавшему большое значение необходимости подъема экономики безликого национального вкрапления на «теле» бывшей Российской империи. Известно, что Октябрьская революция произошла в стране, отличавшейся разнообразием национальных регионов, прошедших неодинаковые стадии исторического развития. Осознавая, что экономическое положение национальных окраин будет оказывать существенное влияние на дальнейшее их развитие, новая власть стала стремиться к единообразию и выравниванию различных ступеней развития регионов. Уже в постановлении X съезда РКП(б) отмечалось, что первой задачей пролетарской революции является «последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное на-

саждение промышленности на окраинах...» [16, с. 560]. В апреле 1923 г. в резолюции XII съезда РКП(б) подчеркивалось, что преодолеть неравенство, фактическое отставание ранее угнетенных народов в области экономического и культурного развития «...можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле хозяйственного и культурного преуспевания. Помощь эта должна, в первую очередь, выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения» [16, с. 714].

Однако практическое осуществление проекта экономической модернизации республики в 1920-е гг. столкнулось с нехваткой финансовых средств, необходимых для «преодоления хронически дефицитного крестьянского состояния» и освоения «промышленно мертвого пространства» «за счет всемерной индустриализации и урбанизации» [15, с. 58–59]. Техничко-экономическая отсталость страны, усугубленная разрушительным влиянием на экономику Гражданской войны и иностранной интервенции, зависимость Советского государства от импорта оборудования в условиях враждебного окружения затрудняли претворение в жизнь проекта трансформации экономики республики. Кроме того, модернизационные процессы осложнялись такими специфическими особенностями как отдаленность республики от крупных промышленных центров страны, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры, слабые коммуникативные связи в условиях разреженной дисперсной зоны, иные, чем в центре, инновационные и кадровые ресурсы и др.

Тем не менее, учитывая специфику социально-экономической обстановки в Бурятии, первая областная партийная конференция, состоявшаяся в марте 1924 г., наметила конкретные задачи восстановления и развития хозяйства республики, включавшие в области промышленности — рационализацию производства, улучшение работы государственных и кооперативных предприятий, повышение производительности труда; в области торговли — укрепление государственных и кооперативных торговых организаций, овладение крестьянским рынком путем постепенного вытеснения частного сектора из сферы торговли.

Решение поставленных задач стало возможным в рамках новой экономической политики, ставшей по сути механизмом выхода из модернизационного кризиса. Вариант плавного вхождения в модернизационные процессы в торгово-промышленном секторе включал, во-первых, отказ от радикальных программ формирования безденежного хозяйства, проведение денежной реформы и организацию финансово-кредитных учреждений; во-вторых, восстановление и развитие торговли различных организационных форм, исходя из признания советской властью «неизбежности свободной торговли»; в-третьих, восстановление и техниче-

скую реконструкцию промышленных предприятий путем усиления федеральных программ финансирования, допущения в промышленность элементов рыночной системы хозяйствования, перевода их на хозрасчет, предоставления самостоятельности в решении производственных и финансовых вопросов.

Ежегодно увеличивающиеся объемы государственных дотаций наряду с допущением многообразия форм собственности, разрешением свободы торговли, арендных отношений и других мер, привнесенных новой экономической политикой и направленных на либерализацию советской хозяйственной системы, дали положительные результаты. Капиталовложения в промышленность Бурятии за 1923–1928 гг. составили 943,7 тыс. р., из которых 72,6% было выделено на расширение и переоборудование предприятий и 27,4% — на капитальный ремонт. В 1927/28 г. промышленными предприятиями, число которых увеличилось с 16 до 20, было выпущено валовой продукции на сумму 5975 тыс. р., что составляло 230% от уровня 1923/24 г. [17, л. 329]. По сравнению с 1913 г. валовая продукция всей промышленности республики увеличилась в 1,5 раза. Общая стоимость имущества промышленных предприятий выросла с 1 401 тыс. р. до 2899,6 тыс. р., т.е. более чем в 2 раза, а стоимость основных фондов составила 2489,6 тыс. р. [20, с. 13, 34].

Однако средств катастрофически не хватало. Руководство республики сетовало на то, что «центр средств на усиление капитала промышленности отпускает в недостаточной степени» [5], что свидетельствовало о перманентно возраставшем региональном «индустриальном самосознании».

С реконструктивными сдвигами в промышленности заметно менялся средний размер промышленного предприятия Бурятии. Если в 1910 г. в среднем на одно предприятие приходилось 43 рабочих [15, с. 41], то в 1926/27 г. — 52 [2, с. 82–83]. В 1927/28 г. 63% рабочих цензовой промышленности было занято на предприятиях с количеством рабочих свыше 50 [8, л. 4]. Например, на Верхнеудинском стеклозаводе в 1913 г. работало 55 чел., в 1924 г. — 429, на винокуренном заводе 70 и 116 соответственно [15, с. 47].

Показательны модернизационные изменения в торговой сфере. Для легализованной нэпом свободной торговли в 1920-е гг. было характерно видовое многообразие торговых предприятий: от архаичных (развозно-разносные и периодические — ярмарки и базары) до развитых (стационарные — магазины, лавки, склады), поступательное развитие форм товарообмена — от меновых до биржевых. Товарная биржа в республике была учреждена постановлением Бурревкома 27 октября 1923 г. На 1 октября 1924 г. участниками биржи были 17 государственных торговых организаций, 6 кооперативных и 14 частных [4, с. 201]. Рыночный старт, взятый республикой в 1923 г., положительно отразился и на степени плот-

ности стационарной торговой сети: в 1927 г. в республике насчитывалось 1553 торговых предприятия с оборотом в 51 401 тыс. р. [11, л. 217].

Слабое развитие градообразующих отраслей экономики в регионе имело следствием малое количество городских форм расселения. Несмотря на это, в 1920-е гг. были возобновлены урбанизационные процессы, прерванные революционными событиями и гражданской войной. Безусловно, на этом этапе происходило лишь постепенное накопление качественных изменений, создающих предпосылки роста городов, увеличения численности городского населения, «распространения городского образа жизни на сельскую округу». В то же время нельзя не заметить ощутимого роста городского населения, которое за три года увеличилось на 37,8% — с 33 071 чел. в 1923 г. (7,4% от общего количества населения) до 45 566 чел. в 1926 г. (9,3%) [6, с. 345; 10, л. 11].

Результатами модернизационных возможностей новой экономической политики стали складывание единой денежной системы, учреждение банков, восстановление, переоборудование и расширение промышленных предприятий, увеличение объема выпускаемой промышленной продукции, широкое развитие кооперации, прежде всего в сфере финансов (кредитная) и товарного обращения (потребительская), в меньшей степени — в кустарных промыслах (производственная), видовое многообразие промышленных и торговых предприятий, возрастающая степень плотности стационарной торговой сети. Однако дефицит финансовых средств не позволил, как до революции, так и в период нэпа, существенно трансформировать внутрирегиональное экономическое пространство. В 1929 г. в отраслевой структуре промышленного производства по-прежнему преобладающее место занимали кожевенная отрасль (32,4% от общей стоимости произведенной продукции), лесобработывающая (24%), пищевая (19,3%), стекольная (17,9%), в то время как на долю металлообработывающей приходилось лишь 0,8% [3, с. 86]. При всех своих «экономических достижениях» Бурятия к исходу 1920-х гг. оставалась районом с крайне низким уровнем развития промышленности. Так, если к концу 1928 г. в целом по СССР объем валовой продукции промышленности составлял 48%, а сельского хозяйства — 52%, то в Бурятии соответственно 14 и 86% [9, л. 5]. Доля валовой продукции промышленности республики в экономике РСФСР выражалась в 0,04%, тогда как сельскохозяйственная продукция составляла 0,45%, а население — 0,52% [18, с. 70].

Камнем преткновения на пути модернизации в рамках нэповской экономической модели стала проблема ограниченного действия рыночного механизма. С одной стороны, государство, сделав ставку на частный капитал, с его помощью вызволило экономику из кризиса, с другой — регламентировало его работу в пользу государственно-кооперативного сектора настолько жестко, что дальнейшая частнопредпринимательская

деятельность стала невозможной. В 1927/28 г. в промышленности республики государственный сектор по объему валовой продукции занимал 92,29%, кооперативный — 7,64%, частный — 0,07% [12, л. 2]; в торговле по размеру товарооборота — соответственно 23; 71; 6% [7, л. 21].

Разрешительно-регулирующие меры государства, характеризующие институциональные условия реализации нэпа, выступали неэффективным инструментом модернизации. Государственный контроль всех составляющих экономического пространства, преференции государственно-кооперативному и ущемление частного секторов — факторы, не только нарушавшие хрупкую систему хозяйственных связей, но и сдерживающие модернизационные процессы. Вместе с тем следует заметить, что в последующие, 1930-е гг., именно государственная ответственность позволила обеспечить форсированный вариант модернизации, на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва» [19, с. 51]. При самой покровительственной политике в отношении частного капитала (слабого в дореволюционной экономической модели, еще более ослабленного в результате социальных потрясений начала XX в.) вряд ли он был способен (при любом политическом режиме) стать основным мотором масштабной модернизации.

Таким образом, модернизация в Бурятии не охватывала всю совокупность процессов, которые позволили бы говорить о ней как масштабном явлении. В 1920-е гг. не удалось модернизировать экономику республики, причиной чего стали не только дефицит финансовых средств, но и дуалистический (административно-рыночный) характер нэповского курса. Обладая огромным экономическим и геополитическим потенциалом, Бурятия в 1920-е гг. не стала экономически самостоятельной республикой. Тем не менее, на наш взгляд, нэп сыграл свою историческую роль: довоенный уровень промышленного производства был достигнут. Кроме того, первые модернизационные опыты молодого советского государства дали старт созданию экономической базы для проведения успешной социалистической модернизации в последующие годы.

К концу 1920-х гг. в условиях нарастания угрозы мировой войны перед страной встала проблема создания мощной военно-оборонной индустрии. Данное обстоятельство определило необходимость высоких темпов индустриализации, достижения полной экономической независимости, а главное, в реальных исторических условиях рыночный путь промышленной модернизации на рельсах нэповского курса оказался бесперспективным. Модернизационные возможности нэпа были исчерпаны, в результате чего начала реализовываться стратегия форсированной модернизации в формате советской индустриализации. Таким образом, практическое воплощение модернизационной идеи пришлось на 1930-е гг., когда в республике были построены и введены в эксплуатацию более 100 новых предприятий, крупнейшими, имеющими союзное

значение из которых были Улан-Удэнский паровозовагоноремонтный завод, мясоконсервный комбинат, механизированный стекольный завод, мельничный комбинат, Джидинский вольфрам-молибденовый комбинат [1]. В 1937 г. в республике удельный вес промышленной продукции составлял 71,1% всей продукции народного хозяйства. В результате при всех трудностях, просчетах, издержках именно советская индустриальная модернизация переродила Бурятию, превратив ее из аграрной окраины в развитую индустриально-аграрную республику.

Список использованной литературы и источников

1. Балдано М. Н. Особенности социалистической индустриализации: региональный аспект / М. Н. Балдано // Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX–XX вв.). — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. — С. 26–35.
2. Бурятия в цифрах: стат.-экон. справочник. 1927–1930. — Верхнеудинск : Госплан БМАССР, 1931. — 508 с.
3. Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету IV съезда Советов. 1926/27 — 1927/28. — Изд. ЦИК и СНК БМАССР. — 238 с.
4. Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1923–1924. — Верхнеудинск : Госплан БМ АССР, 1925. — 380 с.
5. Бурят-Монгольская правда. — 1927. — 14 янв.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. — Т. XXIII: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. — М. : ЦСУ Союза ССР, 1929.
7. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 1243.
8. ГАРБ. — Ф. Р-192. — Оп. 1. — Д. 17.
9. ГАРБ. — Ф. Р-195. — Оп. 6. — Д. 44.
10. ГАРБ. — Ф. Р-196. — Оп. 1. — Д. 228.
11. ГАРБ. — Ф. Р-475. — Оп. 1. — Д. 341.
12. ГАРБ. — Ф. Р-753. — Оп.1. — Д. 666.
13. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному [Электронный ресурс] / В. П. Зиновьев // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. материалов конф. — Новосибирск, 2003. — URL : <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html>.
14. Кальмина Л. В. Модернизация сибирской экономики на рубеже XIX–XX вв.: забайкальский вариант / Л. В. Кальмина // Вестник БНЦ СО РАН. — 2011. — № 2. — С. 72–81.
15. Козьмин Н. Н. Основы капитального строительства Бурятии / Н. Н. Козьмин. — Верхнеудинск : Госплан БМ АССР, 1926. — 144 с.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1970. — Т. 3.
17. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 21. — Д. 562.
18. Самойлович П. Бурят-Монгольская АССР / П. Самойлович. — М. : Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1933. — 120 с.
19. Сенявский А. С. Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты / А. С. Сенявский // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. — Улан-Удэ, 2007. — С. 32–57.

20. Социалистическое строительство Бурятии за десять лет : экон. обзор и стат. справочник (1923–1932). — Верхнеудинск : Бургосиздат, 1933. — 149 с.

Информация об авторе

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Author

Plekhanova Anna Maksimovna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head Scientific Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

УДК 338.45:69(571.1(091))
ББК 65.31(253.3)г

А.И. ПРИЩЕПА

ФОРМИРОВАНИЕ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-е ГОДЫ

Анализируются источники обеспечения сырьем предприятий жилищного строительства в годы создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Показывается роль центральных промышленных районов в обеспечении сырьем и строительными материалами градостроения на пионерном этапе промышленного освоения территории новой нефтегазовой провинции. Особо отмечаются пути создания сырьевой отрасли строительной индустрии непосредственно в Западной Сибири.

Ключевые слова: городское строительство, строительные материалы, сырьевая база, кадровое обеспечение.

A.I. PRISCHEPA

FORMATION OF THE RAW MATERIAL INDUSTRY CONSTRUCTION INDUSTRY IN WESTERN SIBERIA IN THE 1960S

Analyzes the sources of supply of raw materials enterprises housing construction during the creation of the West Siberian oil and gas industry. Shows the role of central industrial regions in the supply of raw materials and building materials for urban planning pioneer stage of industrial development of the territory of the new oil and gas province. Highlights the ways to create resource sector of the construction industry directly in Western Siberia.

Keywords: urban construction, building materials, raw materials, staff.